

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

Институт истории, филологии и философии

**СООТНОШЕНИЕ
ДРЕВНИХ КУЛЬТУР СИБИРИ
С КУЛЬТУРАМИ СОПРЕДЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ**

(Сборник научных трудов)

Новосибирск — 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

СООТНОШЕНИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР СИБИРИ С КУЛЬТУРАМИ
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

(Сборник научных трудов)

Новосибирск — 1975

СЕВЕР ТИХОГО ОКЕАНА: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В.Р. Кабо

Институт этнографии АН СССР, Ленинград

Процесс этногенеза, становление этноса — это, вместе с тем, и становление его культуры. Сравнивая культуры народов, населяющих острова и прилегающие к Тихому океану континентальные области Северо-Восточной Азии, с культурами народов Южных морей, мы замечаем в них многочисленные параллели. На многие из них обращено внимание уже давно,¹ другие обнаруживаются лишь теперь. Эти факты, складываясь в систему, бросают свет на далекое, во многом еще неясное прошлое народов северных областей Тихого океана, на процесс формирования их культур, на связи их с культурами Австралии и Австралии.

Ограничимся лишь несколькими фактами. Отметим, например, широко распространенные в неолите в тихоокеанском регионе Азии и сходные с южно-тихоокеанскими типами. Такие орудия, насеченные на коленчатые рукояти океанийского типа, еще сравнительно недавно употребляли народы Приамурья и Сахалина.² Они выдалбливали или лодки-однодеревки, как делают и теперь еще (или делали недавно) многие жители Океании. Нивхский топор этого типа (матъник) из фондов Сахалинского областного краеведческого музея снабжен металлическим клинком, воспроизводящим форму неолитического плечикового топора, область распространения которого простиралась от Полинезии до Японии. Эти параллели, охватывающие все стороны культуры, от орудий труда и архитектуры до обрядов и мифов, настолько многочисленны, что в массе своей они едва ли могут быть случайными или конвергентно возникшими и скорее указывают на древние этнические и культурные

¹ Л.А. Штернберг. Айнская проблема. В кн.: Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабыроуски, 1933.

² Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 2, СПб, 1899, стр. 196-197.

связи или даже на древнюю этнокультурную общность, давшую начало многим современным этносам и культурам этого обширного географического ареала.

Одним из указаний на такую этнокультурную общность, генетически связанную с Австронезией и Австралией, являются петроглифы Нижнего Амура. Стилистические особенности этих петроглифов, преобладающий в них орнаментальный мотив — спираль и концентрическая окружность — и особенно личины, поразительно напоминающие петроглифы, открытые не так давно в Центральной Австралии — все указывает на эти древние связи. Аналоги амурским личинам и позднейшим шаманским маскам обнаружены также в Меланезии, на Новой Гвинее, в Новой Зеландии.¹ "Этнографические аналогии петроглифам Амура будут нас... в Южные моря Тихого океана", — пишет А.П.Окладников.² И это, видимо, не только конвергенция, а и следствие культурно-исторических связей. В свою очередь, необходимо отметить непрерывность художественных традиций в искусстве народов Дальнего Востока, начиная с глубокой древности, с эпохи постулируемой нами этнокультурной общности, которая и была общей основой и источником этих традиций.

Наиболее типические особенности орнаментального стиля, собственного искусству народов Дальнего Востока и восходящего еще к петроглифам Нижнего Амура, характерны для Океании и Австралии и связывают культуру народов Дальнего Востока с австрало-океанским культурным миром. Характерный криволинейный орнамент, состоящий из сложного переплетения завитков и спиралей и образующий единую в стилистическом отношении систему, до сих пор широко распространен у нидхов, ороков, нанайцев, эвенков и других народов Дальнего Востока; он издавна известен в искусстве Китая и Японии. Вследствие такого широкого распространения его следовало бы на-

¹ А.П.Окладников. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, стр.92, 95-98, 106, 116-121.

² Там же, стр.111.

вивать дальневосточным. Преимущество этого термина в том, что он подчеркивает важнейшее — близость художественных традиций различных народов этого региона, связанную не с заимствованиями достигнутых одних народов у других, а с общей для них культурно-исторической основой, условием формирования этой близости.

Орнаментальный стиль айнов основан на меандре, зигзагах и змеевидных линиях, сочетаемых с элементами дальневосточного орнамента. А меандр — древний символ лабиринта — характерен и для других народов дальнего востока. Все эти мотивы, в основе своей весьма архаические, знакомые еще неолитическому населению Дальнего Востока, донесли до нас и искусство аборигенов Австралии и Океании.

Классической спиралью, пронизывающей собою искусство народов Дальнего Востока, Австронезии и Австралии, орнаментировалась еще неолитическая керамика Японии и Яншао. Спиралевидные и змеевидные изображения, напоминающие орнаменты на одежде айнов, нивхов, нанайцев и других народов дальнего востока, мы встречаем на японских антропоморфных скульптурах догу, характерных для периода дзёмон. И в связи с этим хочется напомнить, что А.П.Окладников, С.А.Арутюнов и М.В.Боробьев связывают древние археологические культуры Японии (протодзёмон и дзёмон) с протоайнами и айнами. Мы находимся как бы в пределах великого культурного круга, древность которого уводит нас в глубины тысячелетий (примерно от 8-го до сер. 1-го тысячелетия до н.э., если ориентироваться на эпоху культуры дзёмон) — в глубине его продолжалось формирование негро-австралоидов Океании и их культур и отсюда на Дальний Восток излучалось их воздействие. В свою очередь дальневосточная культурная общность сама была мощным культурным генератором, импульсы которого ощущаются еще сегодня и здесь, и на всем северо-востоке Азии.

Следует приветствовать ту осторожность, с которой подходит к сопоставлению орнаментов, разделенных огромными расстояниями во времени или в пространстве, С.В.Иванов.¹ Он справедливо указывает

¹ С.В.Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник, — Труды Института этнографии, т.81, 1963.

на то, что совпадение отдельных орнаментальных мотивов не всегда свидетельствует о генетической связи, оно может оказаться по своему происхождению конвергентным, и предлагает поэтому опираться на сравнение целых орнаментальных комплексов, а не отдельных мотивов. Но трудно ведь ожидать, чтобы орнаментальные комплексы неолита и современности или Дальнего Востока и Океании оказались совершенно идентичными, даже если они и связаны генетически. Здесь и наличие представительной серии одинаковых орнаментальных мотивов, пусть даже входящих в иные орнаментальные комплексы, но доминирующих и в них, организующих их, может указывать на связь их между собой, тем более если этот вывод подкрепляется и иными данными, свидетельствующими об этнических и культурных связях. А именно так обстоит дело в нашем случае.

Важную роль в искусстве и религиозно-культурной жизни айнов играет образ змеи. Изображение змей, как показал еще Л.Я. Штернберг, особенно часто встречается на предметах, связанных с культом и это говорит о скаральном его значении. Небесный змей фигурирует в айновском мифе о творении, ему возносятся молитвы, он является могущественным покровителем шамана. Такое же место он занимает и в Австралии — это также было показано Штернбергом. Нам остается сделать еще один шаг и обратиться к Австралии, где сохранились древнейшие элементы культуры всего австрало-океанийского культурно-исторического мира. Одно из самых могущественных и самых распространенных на австралийском континенте существ, созданных мифологией его аборигенов — это змея-радуга. Она играет такую же выдающуюся роль в религии и культе, как и небесный, или солнечный змей айнов Чуфикамуи. Змея-радуга австралийцев и солнечный змей айнов настолько близки по своему положению в мифологии и религиозно-культурной сфере, что мне представляется вполне допустимым, учитывая южное происхождение айнов и многих элементов их культуры, — а это было доказано еще Штернбергом, — видеть в образе змеи-радуги австралийцев прототип солнечного змея айнов, а в последнем — поздний отголосок глубоко архаичного австралийского ми-

фа. Образ гигантского солнечного змея имеется и в мифологии народов Амура,¹ а змея-радуга была представлена в мифологии древних китайцев.

Широчайшее распространение в Австралии мифа о гигантской змее-радуге, создательнице мира, свидетельствует о его древности. Есть основания считать, что этот образ относится к древнейшему пласту мифологии австралийцев. Возможно, змеиний миф и связанный с ним культ змеи-радуги или небесного (солнечного) змея возникли еще у протоавстралоидов, населявших в плейстоцене материк Сунда. Этот материк, существование которого закончилось с наступлением послеледниковой геологической эпохи, являлся продолжением азиатского материка и включал северные и западные острова Индонезии, Филиппины, а возможно, Японию и Сахалин. Материк Сунда был обширной зоной формирования протоавстралоидов и колыбелью их культур. Отсюда вышли и аборигены Австралии, и айны. Позднее на островах, возникших на его месте и на месте материка Сахул, куда входила Австралия с окружающими ее островами, на древней протоавстралоидной основе сформировались различные группы негро-австралоидов Скеании.² Эти и можно объяснить широкое распространение в этом обширном ареале, простиравшимся от Австралии до Сахалина, змеинного мифа и культа змеи. Разумеется, это лишь одно из многих свидетельств древней этнической и культурной общности (или близости). Эти и другие факты, говорящие о древних этнокультурных связях от Австралии до Северо-восточной Азии, получают объяснение в свете теории протоавстралоидной этнокультурной общности.

Много писали об икунись (икуниси) — загадочных обрядовых палочках аянов, но их смысл и происхождение все еще остаются невыясненными. Между тем, их разгадка — в покрывающем их резном ор-

¹ А.П.Окладников. Петроглифы Нижнего Амура, стр.97-98.

² В.Р.Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969.

наменте, в основе которого — все тот же мотив змеи. Стилизованная змея — наиболее часто встречающееся на них изображение, да и сами айны называют эти изображения змеями,¹ а одна из икунись в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде² формой своей сама напоминает змею. Икунись употребляются во время обрядового пиятья сака для подымания усов. Можно высказать предположение, что по своему происхождению икунись восходят к древнему акту ритуального змеенедения. Реликты этого священного действия древних австра-лондгов в его исходной, еще не зашифрованной, как у айнов, форме и все еще встречаем в Океании. Так, например, у байнингов Новой Британии, сохранивших в антропологическом типе, в языке и культуре немало древнейших особенностей, свойственных негро-австра-лоидам Океании, сохранилось и обрядовое употребление в пищу змей, предварительно откормленных в дуплах деревьев.³ Змеиные культы характерны и для других народов Меланезии.⁴

На Сахалине айны заимствовали у соседей-нивхов северный культ медведя, перенеся на него некоторые характерные черты змеиного культа. Медведя выкармливали и затем съедали во время обрядов, как делали когда-то со змеями, и только икунись как "заместители" живых змей напоминают о далеком прошлом. Употребление "заместителей" (людей, жертвенных животных, различных предметов) в религии и культе, чаще всего в жертвоприношениях и погребальном ритуале — явление широко распространенное и известное многим народам.

¹ Л.Я.Штернберг. Айнская проблема. В кн.: Гиляки, орочи, голды негидальцы, айны, Хабаровск, 1955, стр.569.

² Там же, табл.Ш, рис.2.

³ В.Р.Кабо. Байнинги — примитивные земледельцы Океании. — Страны и народы Востока, вып.Ш, М., 1964, стр.61.

⁴ H.Ritter. Die Schlange in der Religion der Melanesier. Basel, 1945.

В медвежьих праздниках, распространенных на огромной территории от Скандинавии до тихоокеанской полосы Северной Америки, можно выделить два комплекса - евроазиатско-американский, связанный с охотой на медведя, и тихоокеанский, или "айнский", свойственный только народам тихоокеанского побережья Северной Азии - айну, нивхам, ульчам, орокам, орочам, частично береговым чукчам, корякам и ительменам - и связанный с длительным содержанием медведей при селениях в особых клетках, употреблением застругенных пале-чек-инау и наличием "сурельбица" - своего рода жертвенного места с рядом конкретных деталей его устройства и другие особенности, указывающими на связь с культурами юго-восточной Азии. Б.А. Васильев полагает, что этот комплекс заимствован названными выше народами от айнов.¹ Возможно, что он составлял лишь часть более обширного комплекса явлений культуры, принесенного предками айнов с их далекой южной прародины, и благодаря им ставшего достоянием и их соседей. К этому культурному комплексу следует отнести и орнамент, в котором доминируют змеевидная линия и спираль с ее дериватами, и инау, функции которых выходят далеко за пределы медвежьего праздника.

Одним из интереснейших явлений айнской культуры, проливающих свет на эту трансформацию, являются обнаруженные Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедицией 1947 г. на старых мольбищах около айнских селений скульптурные изображения, змеевидные, с головой медведя, а также искривленные и переплетающиеся корни, оканчивающиеся медвежьими головами и тем же явно изображающие змей.² Такие изображения хранились когда-то в каждом айнском доме и назывались инокка. Штернберг переводит это слово как "змеи".³

¹ Б.А.Васильев. Медвежий праздник, - "Советская этнография", 1948, к 4.

² И.П.Лавров. Об изобразительном искусстве нивхов и айнов, - "Краткие сообщения Института этнографии", т.У, 1949, рис.3.

³ Д.Я.Штернберг. Айнская проблема, стр.571.

Инока - явное свидетельство превращения австронезийского культа змеи в северный культ медведя. "Культ медведя... как бы преодолевает в этих изображениях полузабытый айнами миф о "божественном змее".¹ "Культ змеи у айнов - первичное явление, а культ медведя - вторичное".² И с этим можно согласиться.

Изображения змей со стилизованной головой медведя не изотопных стволов лиственниц известны также у нивхов и нанайцев, где они появились, вероятно, под айнским влиянием.³ С.В.Иванов, правда, высказывает сомнение, что скульптуры эти изображают змей, ссылаясь, в частности, на то, что в айнском языке слово инока означает не только "змея", но также "идол в форме змеи" и, наконец, просто "идол" или "изображение". Вопрос остается, таким образом, открытым. Однако в свете собственного айнам особого значения змеи в мифологии и культе, в свете того, что изображения змей пронизывают собой все искусство айнов и особенно часто встречаются на ритуальных предметах, предположение наше имеет право на существование. Для инока характерна та же символика, что и для икунись - сочетание медвежьих голов со стилизованным туловищем змеи. В инока, как и в икунись, культ змеи, более архаичный и потому менее явный, зашифрованный, сочетается с культом медведя (в икунись иногда также с культом косатки), и в этой связи о древнем змеинном культе, в понимании их как ритуальных "замесителей" подлинных культовых или жертвенных животных и содержится, видимо, разгадка происхождения этих элементов айнокой культуры.

О древнейших связях культуры айнов с культурами Австронезии

¹ И.П.Лавров. Об изобразительном искусстве нивхов и айнов, стр.36.

² Народы Восточной Азии, М.-Л., 1965, стр.947.

³ С.В.Иванов и М.Г.Левин. Старинные культовые изображения медведя у сахалинских айнов, - Сборник ИАЭ, т.22, 1964.

и Австралии говорят и инау, занимающее выдающееся место в религиозно-культурной жизни айнов. У айнов инау известны в виде заструженных палочек или пестов и в виде длинных стружек, которыми повязывались священные объекты, черепа животных, головы людей. Еще Л.Я.Штернберг отметил, что те и другие находят аналогии у народов Индонезии и Австралии.¹ Что же представляют собою австралийские инау, которые в Центральной Австралии назывались инкульта? Эти заструженные палочки, чрезвычайно похожие на айнские инау, были здесь, как и у айнов, предметами культа и орудиями магии — например, применялись во вредоносной магии или прикреплялись перед сражением к концу копья "для удачи". Использовались они и в обрядах инициации. Частица "ин", стоящая в начале слова "инкульта", связана, по-видимому, с представленным о священном, так как она фигурирует в соответствующих терминах языка аранда, будучи первым слогом этих терминов.² Это совпадение со словом "инау", конечно, может быть совершенно случайным (Штернберг переводит айнское слово инау как "язык дерева"), но в свете замечательного сходства самих инау и инкульта оно все же заслуживает внимания.

Современный исследователь Т.Обаяси, говоря о происхождении инау, указывает на Северную Евразию и Северную Америку, в охотничьих культурах которых были широко распространены культовые шести и палки как вместилища божества и посредники между людьми и сверхъестественными силами.³ Несомненно более прав был Штернберг, который связывал инау, как и многие другие явления айнской культуры, с южно-тихоокеанским культурно-историческим миром.

Помимо австралийских и индонезийских аналогов инау (последни

¹ Л.Я.Штернберг. Айнская проблема, стр.579; Л.Я.Штернберг. Культ инау у племени айну. В кн.: Первобитная религия в свете этнографии, Л., 1956.

² W. Spencer and F. Gillen. The Arunta. London, 1927, vol.2, Словарь.

³ Т.Obayashi. On the Origin of the "Inau" Cult—Sticks of the Ainu, — "The Japanese Journal of Ethnology", 1960, vol.24, II 4.

тоже применялись в магии), можно указать еще одну параллель, Штернбергом не упоминаемую, из того же океанийского ареала. Это — маори Новой Зеландии, короткие деревянные палочки, употреблявшиеся жрецами в обрядах, чаще всего перед сражениями, подобно австралийским инкульта. Хотелось бы и здесь отметить фонетическую близость слова "ину" к слову "инау".

Но Л.Я. Штернберг, вероятно, ошибается, когда он пишет (в статье "Айнская проблема"), что предки айнов, живя под тропическим небом, употребляли для инау полосы из листьев тропических растений (как делают и сейчас некоторые жители тропиков) и лишь затем перешли к стружкам. Параллель с австралийцами говорит о противоположном. Инау возникли и распространились, очевидно, в том виде, в каком мы находим их в Австралии и у самих айнов. Но первоначальное значение заструженных деревянных палочек и самих стружек было забыто. Австралийцы уже не помнят его, и это не удивительно: культ инау возник, вероятно, в глубокой древности, на материке Суанда, в ареале формирования протоавстралоидов, и затем распространился отсюда в Австралию, Океанию и на японские острова и на Сахалин. Реликты его сохранились и на месте бывшего материка Суанда — в современной Индонезии. Значение священных стружек инау было позднее переосмыслено и самими айнами. То, что сохранили этнографические материалы по айнаи, отражает, главным образом, это позднейшее переосмысление.

Культ инау распространился через айнов к их соседям — нивхам. Здесь инау (нивхи называют их нау-пау) нашли такое же широкое и разнообразное применение в религиозно-культурной жизни и магии, как и у айнов, в т.ч. в практике шаманства. Эта особенность нивхского шаманства — влияние айнского, а через него австрало-океанийского культурного мира, своеобразное сочетание священных атрибутов этих культур с восточносибирским шаманизмом.

Глубокое взаимопроникновение айнской и нивхской культур (выше были отмечены лишь некоторые свидетельства этого взаимопроникновения) особенно духовно. культуры, сравнительно более консервативной, говорит о большой древности и продолжительности

сопроисхождения двух этносов.

Многочисленные параллели в культурах айнов - аборигенов Японии и Сахалина - и народов Нижнего Амура и Приморья, нивхов и их тунгусоязычных соседей, относящиеся к медвежьему празднику и культу инау, к орнаменту и другим явлениям культуры имеют, несомненно, древнее происхождение и, вероятно, восходят к постудируемой нами этнокультурной общности эпохи дзюен, которая охватывала в неолите земли Японии, Сахалина, Приамурья и Приморья и включала предков современных айнов (палеоайнов), нивхов (палеонивхов) и некоторых тунгусских народов этой области (палеотунгусов). На Сахалине носители этой культуры сохранились в памяти позднейшего населения как гончи. Ими могли быть как палеоайны, так и палеонивхы. Археологически она представлена неолитом Японии, а на Сахалине находками в Стародубской и Ногликах. В свою очередь, эта древняя этнокультурная общность, через палеоайнов и другие группы тихоокеанского побережья Восточной Азии, была генетически связана с еще более древними культурами Абстронезии и их носителями, вплоть до протоавстралоидов океанийской области и самой Австралии.

Нашей концепции не противоречит и взгляды авторитетных антропологов. Н.Н.Чебоксаров относит айнскую, или курильскую группу типов к австралоидной, или океанийской расе, наряду с австралийской, вэддойской, меланезийской и андаманской группами типов.¹ По мнению М.Г.Левина, айнский антропологический тип сложился в процессе смешения австралоидов с тихоокеанскими монголоидами. "Положение о генетическом родстве айнов с типами экваториального расового ствола представляется наиболее отвечающим современному состоянию наших знаний".² Сходство между айнами и полинезийцами

¹ Н.Н.Чебоксаров. Основные принципы антропологических классификаций. В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человека, - Труды Института этнографии, т.16, 1951, стр.315, 319.

² М.Г.Левин. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, - Труды Института этнографии, т.36, 1958, стр.290-291.

восходит к общему для них австралоидному компоненту. Продвижение предков айнов к северу шло из "области древнего расселения австралоидных, в широком смысле слова, антропологических типов".¹ Эту концепцию в целом разделяет и В.П.Алексеев.²

Л.И.Штернберг, мобилизовав большой, разнообразный материал и опираясь на комплексный метод исследования, убедительно доказал южное происхождение айнов, их близость к народам и культурам Филиппин, Индонезии, Полинезии, Меланезии. Задача состоит теперь в том, чтобы взглянуть на айнскую проблему в более широкой перспективе, в свете современных достижений науки, в свете все более очевидной "большой тихоокеанской культурной общности", простирающейся от Австралии до Амура.³

Концепция древней этнокультурной общности в северной части Тихого океана и прилегающих областях азиатского континента, восходящей к неолиту и связанной, в свою очередь, с мезолитическими и позднепалеолитическими культурами Южной Океании и Австралии, бросает новый свет на происхождение глубоких культурных взаимосвязей, характерных для этого обширного и сложного культурно-исторического мира.

¹ Там же, стр.291.

² В.П.Алексеев. География человеческих рас, М., 1974, стр.277-282.

³ А.П.Окладников. Петроглифы Нижнего Амура, стр.121.